

мовников, о княгине Хилковой в Тобольске, дополнительные повести в конце Жития о «чудесах» и другие эпизоды делают текст этой редакции самым пространством и подробным.

Сопоставление редакции *В* с *А* обнаруживает в Аввакуме все того же мастера словесного изображения, некоторые новые сцены в Житии достигают необычайной выразительности (эпизоды на озере Шакше, например). Но одновременно в редакции усиливается дидактическое начало.²⁵

Редакция *В* становится строже в отборе фактов: не все эпизоды, написанные ранее, попадают теперь в Житие: в редакции отсутствует рассказ о сомнениях Аввакума в возможности дальнейшего обличения «никониан», возникающих у него при возвращении из сибирской ссылки (диалог с Настасьей Марковной), нет рассказа о «замотае», которого обманым путем Аввакум вывез на Русь. Хотя уже в редакции *А* сослался Аввакум на аналогичный библейский пример обмана и получил прощение духовного отца инока Епифания, но в редакцию *В* этот рассказ не попал. Полностью переделывается в редакции *В* рассказ Аввакума о встрече с иноземцами на Оби, с которыми Аввакум начал «лицемеритца».

Новые тексты в редакции *В* заметно усиливают агиографическую стилизацию произведения. Не только специальные богословские статьи («О причастии»,²⁶ «О сложении перст», «О жертве никонианской») вводятся в текст Жития, текст его расширяется за счет увеличения библейских цитат и соответствующих сентенций. Так, например, рассказывая о возвращении из Даур, когда он один, без войска Пашкова, безоружный, вынужден был ехать среди «иноземцев», Аввакум приводит соответствующие цитаты из посланий апостола Павла и псалмов, долженствующие показать суетность человеческих помыслов о смерти, в то время как всю надежду следует возложить на бога, и т. д.

В редакции *В* можно уловить определенную агиографическую стилизацию и в изображении главного героя Жития. Если в редакции *А*, рассказывая о своем уходе из Лопатиц, Аввакум кратко сообщал: «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» (11), то в редакции *В* это описание превращено в изображение ухода подвижника: «Аз же, взяв клюку, а мати — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит, а сами, пошел, запели божественныя песни, евангельскую стихеру большим роспевом: „На гору учеником идущим, за земное вознесение предста господь, и поклонися ему“, всю до конца, а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много, поюще со слезами, на небо взираем, а провождающих жителей того места, мужи и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став, и хвалу богу воздав, поучение прочет, и, благословя, насилу в дом их возвратил, а з домашними впредь побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филипп древле» (164—165).

Таким образом, рассматривая текст *В*, можно обнаружить определенную сознательную систему переработки предшествующего текста, явное стремление Аввакума к «житийному» колориту. В эту систему «ложится» и дополнительное богословское вступление к Житию, и включение в текст Жития статей, ранее существовавших отдельно, вне Жития

²⁵ Краткая характеристика этой редакции как «дидактической» есть у П. Паскаля (P. Pascal. Avvakum, p. 487) и А. Н. Робинсона (A. Robinson. Avvakum et Dorothee. — Revue des études slaves, t. 38. Paris, 1961 (Mélanges Pierre Pascal), p. 167).

²⁶ Основной текст статьи «О причастии» частично имелся уже в редакции *А*, но в ином месте — не в конце Жития, а в ряду сибирских воспоминаний Аввакума.